

Ребенок ВОЙНЫ

Ксения Каменева

Ксения Каменева

Ребенок войны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73100213

SelfPub; 2024

Аннотация

Эта книга посвящается памяти моего деда – Юрия Андреевича Боева, жившего в период с 1939 по 2021 годы.

Ребенок войны, каких тысячи на нашей земле... Но такой – он один, и его стоит помнить. Человек-легенда. Именно так можно назвать деда: детство в немецкой оккупации, тяжелейший труд на заводе с 16 летнего возраста, служба в рядах Советской Армии на протяжении почти 4-х лет подряд – это все Он. Человек с большим сердцем, стальным характером, непреклонный ни перед жизненными трудностями, ни перед человеческими слабостями. Таким его запомним, таким он останется в памяти Навечно!

P.S. Основано на реальных событиях, но некоторые лица, имена, диалоги, незначительные происшествия – художественный вымысел автора. Все совпадения с реальными личностями, не имеющими к главному герою прямого отношения, случайны.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

39

Ксения Каменева

Ребенок войны

Эта книга посвящается памяти моего деда – Юрия Андреевича Боева, жившего в период с 1939 по 2021 годы.

Ребенок войны, каких тысячи на нашей земле... Но такой – он один, и его стоит помнить. Человек-легенда. Именно так можно назвать деда: детство в немецкой оккупации, тяжелейший труд на заводе с 16 летнего возраста, служба в рядах Советской Армии на протяжении почти 4-х лет подряд – это все Он. Человек с большим сердцем, стальным характером, непреклонный ни перед жизненными трудностями, ни перед человеческими слабостями. Таким его запоем, таким он останется в памяти Навечно!

P.S. Основано на реальных событиях, но некоторые лица, имена, диалоги, незначительные происшествия – художественный вымысел автора. Все совпадения с реальными личностями, не имеющими к главному герою прямого отношения, случайны.

Глава 1. ОККУПАЦИЯ: НАЧАЛО И КОНЕЦ

Как в мой дом пришла война

Шел 1941 год, середина августа. Знойный воздух дрожал при едва уловимых порывах ветра, вздымавших вверх столбы придорожной пыли. Птиц почти не было слышно – все прятались в густых ветвях раскидистых кленов и ясеней, некоторые – в стеблях высоких полевых трав. Солнце стояло высоко в зените, нещадно обжигая работников, возвращавшихся с сенокоса, нагревая крыши домов и надворных построек. Кот Тишка уже третий день сходил с ума, тщетно искал укрытие в тени смородиновых кустов, росших в огороде: зной доставал и тут, а густая, свалывшаяся серая шерсть только усугубляла его положение.

Протяжный окрик раздался в окрестностях небольшой городской улочки, с соседского участка:

– Капитоооооныч!

Невысокий пожилой мужик в полинялой от времени гимнастерке с трубкой в зубах, лениво обернувшись, отозвался:

– Чего тебе, Никанор? Скучно что ли? Так иди, делом займись!

– Да не, какое тут, скучно, слышал, что немцы уже на подступах к нам?

– Ох, беда-то, бедаааа на нашу голову свалилась! – запричитала вышедшая из избы Ульяна, соседка по двору.

– Ульяна, иди в дом и за Юркой смотри, а то убежит, сорванец, – сказал Капитоныч, и женщина нехотя ушла.

Юрка, сын Ульяны, был худой голубоглазый мальчишка, двух лет от роду. Маленький, светловолосый и безумно

шустрый, словно шило, он стоял посреди хаты, доедая стянутый со стола кусочек черного хлеба, только что испеченного. Пока мать не видела, он втихую донимал кота Тишку, жившего у них в доме. Стоило Тишке отвернуться, как он своей маленькой ручонкой тут же хватал его за хвост и тянул к себе, громко смеясь и визжа. Бедный Тишка кричал ничуть не меньше, и тогда прибежала мать, стеная и охая, оттаскивая Юрку от шипящего и мяукающего кота, грозила сыну кулаком:

– Ну, паршивец ты ж этакий! Зачем Тишку мучишь? Ему же больно, понимаешь, глупый?

Юрка виновато опускал голову, но так ничего и не понимал, и всякий раз, изо дня в день, стоило матери отлучиться из дома, история с визжащим Тишкой неминуемо повторялась.

Лето пролетело незаметно, плавно перетекая в сентябрь с небольшими дождиками, неспешно облетающими с берез и кленов желто-оранжевыми листьями. В полях и садах собирали урожай. Было еще довольно тепло, но ночи стояли холодные, а к середине октября уже стали проявляться первые заморозки. Затем дожди все усиливались, переходя в проливные, иногда смешиваясь со снегом.

Обстановка была беспокойной: все знали, что начавшаяся 22 июня кровопролитная война с Германией стремитель-

но надвигается, сметая все на своем пути, разрушая города, сжигая дотла деревни, и никакого спасения от нее не будет...
Никому.

И вот настал роковой для всех жителей города день – 21 ноября 1941 года. Становилось совсем холодно, дело подходило к зиме. Маленький Юрка по-прежнему жил с матерью в стареньком деревянном домишке рядом с железной дорогой в районе Сныткино. Домик был небольшой, на две комнаты, да что-то вроде кухоньки, с прихожей. Подслеповатые окошки с маленькими ставнями выглядывали на улицу, пропуская снаружи слабый свет. Деревянный заборчик, окружавший дом, покосился, немного завалившись на садовый участок. Отца у Юрки не было, а точнее, Юрка хоть и был записан при рождении как Юрий Андреевич Боев, все-таки его не помнил. Они отчего-то с матерью расстались, их пути разошлись. Однако впоследствии Юрка все-таки узнает, что носит его фамилию и отчество, а также о том, что в городе Макеевка Донецкой области, с такой же фамилией, как у него, живут его родные братья и сестры.

Здесь, в этих местах, проходило раннее детство Юрки (старенький деревянный домишко уже давно перестроен). Фото автора.

Внезапно пошел снег попеременно с дождем. Юрка сидел дома, украдкой пытаясь схватить кота Тишку за хвост, чтобы мать не увидела. И тут раздался громкий стук в дверь. Юрка не услышал, мать шла открывать, и он за ней. И тут их взору предстала пугающая и странная картина – на пороге двое, в форме (как потом рассказывали, это были немцы,

оккупировавшие территорию Щигров). Оба молодые: один высокий, худощавый, другой – слегка пониже ростом, приземистый, голубоглазый. Широко раскрыв глаза, маленький Юрка стоял, не в силах ни пошевелиться, ни заплакать, лишь безмолвно наблюдая за странными неожиданными гостями.

– Ооо, russish soldatin¹!, громко проговорил один из них, тот, что повыше ростом, и расхохотался.

Мать Юрки, Ульяна Николаевна, была удивлена и напугана не меньше, чем он сам, но возражений не последовало, и солдаты смело прошли в дом, попросив на ломаном русском чего-нибудь поесть. Высокий худощавый Ганс, протянул Юрке руку, приветствуя громким: «Guten Tag! Ich haisse Hans²». Затем спросил, путая русские слова, как зовут мальчишку. Мать ответила: «Юрка он, мал еще, не говорит». Ганс и его товарищ Йозеф заулыбались, а затем, указывая на Юрку пальцем, проговорили:

– Dein name ist Jurgen³!

С тех пор Юрка сделался Юргеном, и день ото дня, все время, пока оккупанты жили рядом, заучивал немецкие фразы. Особой приветливостью, конечно, новые жильцы не отличались, но если Юрка – Юрген выговаривал слово старательно, правильно, то получал маленькую плитку шоколада в награду. Порой не старался или же начинал мучить Тиш-

¹ Ооо, русский солдат! (нем.)

² Добрый день, я – Ганс (нем.)

³ Тебя зовут Юрген (нем.)

ку, то тут же его новые учителя спешили его образумить, раздавая щедрые подзатыльники. Вроде как и не худо совсем, жить можно... Да только оккупанты, они и есть оккупанты, как ни крути. В основном Юрку его постояльцы жаловали из-за его внешности: голубоглазый, светло-русый худой мальчишка подходил под «идеальную расу», как любили поговаривать жившие у него в доме немцы.

– Ми таких, как ты, уважаатт! Гут, гут!, истинно ариец! – твердил Ганс. Йозеф соглашался с напарником, даже думали забрать мальчика с собой, в Германию, когда их планы по захвату СССР осуществляются. Но, к счастью, этому не суждено было сбыться...

Юрка слушал своих «воспитателей», иногда с упоением, так как ничего другого ему не оставалось: мать работала целыми днями на железной дороге, домой возвращалась уже затемно. Так и прожили целых пятнадцать месяцев под одной крышей с врагом, пока не грянул снежный февраль 1943 года, освободивший щигровцев навсегда от фашистов-захватчиков. 4-е число стало памятной датой в истории нашего Отечества, как День освобождения Щигров.

Забрать Юрку немцам так и не случилось, потому как сами, пробираясь по дорогам, каждый раз оборачиваясь на выстрелы и шорохи, уносили ноги из города. Но добраться до родины у них не вышло, так как погибли в окружении Красной армии, навсегда оставшись лежать на русской земле. И долго, очень долго потом будет помнить маленький Юрка,

как переучивали его родному языку, как долго не мог привыкнуть, что он теперь все-таки Юрка, а не Юрген... А потому просидел мальчик дома, не выходя за пределы двора еще с год, пока совсем не освоил русскую речь. Ведь неровен час – спутали бы наши солдаты с немецким ребенком. Но память Юркина навсегда сохранила потерянное в оккупации детство, плитки горького шоколада и подзатыльники, так что, будучи уже Юрием Андреевичем и став дедушкой, а затем и прадедом, свободно смотрел фильмы о Великой Отечественной войне без русского перевода, понимая каждое слово... Но впереди Юрку ждала жизнь новая, без войны, но не менее трудная. Незаконченные 6 классов средней школы, тяжелейшая работа на железной дороге, а затем - на заводе, армейская служба в НКВД на протяжении почти четырех лет и богатая воспоминаниями о былом, старость. А сейчас, все было совсем по-другому: несколько лет предстояло жить впроголодь, рассчитывая только на себя.

Жизнь по «новому порядку»

Первая зима выдалась особенно трудной и суровой: лютые морозы, вполне привычные для русских, стали для немцев страшным испытанием. Тяжело было вести войну, когда приходилось пробираться сквозь поля и леса, окружавшие город. Да и в самом городе снегу наметало по пояс и, чтобы открыть дверь наружу, приходилось долго расчищать плотные сугробы. Но и нашим жителям приходилось туго: окку-

пировавший территорию Щигров враг почти полностью уничтожил все запасы продовольствия, домашней птицы, скота. Население сильно страдало от голода, многих жителей казнили фашисты, утвердившие в городе «новый порядок», который наводили в Щиграх массовыми расстрелами, виселицами, кровавыми акциями. В городе и районе были расстреляны 600 человек, 12 повешены, 2 эшелона (1215 жителей) угнаны в Германию. И. Эренбург в своем очерке «Новый порядок» писал: «Щигры – маленький городок. Но и в Щиграх поработали палачи. Когда был взорван мост, немцы расстреляли 50 заложников»...

Юрке, жившему под одной крышей с сержантами Вермахта, можно сказать, жилось не так плачевно. Порой перепадало что-то со стола: то кусочек хлеба, то консервы, которые присылали из Германии в посылках своим солдатам, и все тот же шоколад в небольших плитках... Но все-таки голод давал о себе знать – маленький мальчик выглядел болезненным и изможденным. Ганс и Йозеф иногда собирались с товарищами-сослуживцами за бутылочкой шнапса, пели хором «Erika» о девушке и цветке, или «Das Modell», «Ein Prosit». Юрка, постоянно крутясь около стола, невольно слушал и запоминал слова этих старинных немецких песен.

А уже под вечер, перед сном, каждый занимался своим делом: мать Юрки доделывала дела по хозяйству, садилась шить; Юрка укладывался спать на печке, но все никак не мог уснуть, глядя в окно; угрюмый и молчаливый Йозеф раскла-

дывал пасьянс, а Ганс под керосиновой лампой неизменно писал письма своей возлюбленной Марте, оставшейся в далеком Мюнхене. Каждое из этих писем начиналось примерно такими словами: «Hallo mein Liebe Martha!»⁴. Далее следовали длинные рассказы о том, как они стремительно продвигаются по советской территории, как скоро захватят весь мир... Рассказывал Ганс также и о том, как живет он в чужой стране, которую Германия стремится завоевать. В одном из писем как-то упомянул Юрку, назвав его «nettes lustiges Junge»⁵. Далее следовали бесконечные признания, обещания скорого возвращения домой и страдания от долгой разлуки. А на следующее утро каждое из таких писем передавалось через командование на родину, в Мюнхен. Часто получал он на них не менее трепетные ответы.

Кое-как удалось перезимовать оставшимся в живых щигровцам эту зиму. Многие, которых немцы не убили в начале оккупации, погибли от голода или болезней, были замучены в концлагере, также располагавшемся на территории города. Бежать из города было крайне опасно: «новый порядок» контролировал все и вся, не давая нашим жителям ни малейшей свободы. Но и сами немцы страдали от сильных холодов, и местным жителям приходилось шить для них одежду и делать теплую обувь. В январе 1942 года была предпринята первая попытка освобождения Щигров силами третьего

⁴ Здравствуй, моя дорогая Марта! (нем.)

⁵ Милый забавный мальчик (нем.)

гвардейского кавалерийского корпуса. Люди и кони против хорошо вооруженных сил Вермахта. Конечно же, шансов у нашей армии не было...

Весной снег стал таять, дороги размыло. Юрка, привыкший резвиться в зимние дни на дворе, возводя снежные крепости, часто выбегал на улицу, меряя большие глубокие лужи. Работающей с утра до вечера матери некогда было присматривать за ним, а жившие по соседству тетки не всегда успевали: маленький шустрый сорванец исчезал бесследно, а затем так же внезапно появлялся, весь продрогший и промокший насквозь. Как-то раз вещи Юркины не просохли (а с одеждой тогда было тяжело, как и с провизией), и он, пробив в сырости несколько часов, сильно захворал. Лекарств в оккупированном городе достать было практически невозможно, а потому лечить Юрку приходилось народными средствами – тетка Тоня достала баночку малинового варенья, с которым мать заваривала ему чай на травах. Маленький Юрка ночами, метаясь от жара, плакал и не мог никак уснуть. Приходилось лечить его керосином, который никак не лез маленькому мальчику: было противно, невкусно. И Юрка устраивал целые концерты, яростно сопротивляясь такому варварству. Иногда их постояльцы жалели его – давали кушачек сахара, чтобы их сон был спокойным.

Болезнь продолжалась долго, но волей судьбы Юрка все же встал на ноги, потихоньку оправившись от сильного недуга. Просидел он в доме до самого мая, пока окончательно не

потеплело, и земля не прогрелась весенним солнцем.

За весной также незаметно подкралось лето, ставшее довольно жарким. Новый порядок все продолжал свои кровавые расправы над местными жителями: многих казнили для устрашения. Но публичные казни, проводимые фашистами, не испугали, а наоборот, только сильнее разожгли ненависть жителей к оккупантам. Среди живших в Юркином доме фрицев также нарастала какая-то непонятная тревога за свое будущее: Йозеф стал ворчливым и злым, мальчишка постоянно его раздражал, а Ганс, напротив, сделался замкнутым и отрешенным, больше молчал, и те письма, которые он отправлял в Мюнхен на родину, все больше были пропитаны неуверенностью и страхом. Уже не было той воодушевленности и чувственности, которая наполняла его раньше, в первые месяцы оккупации, когда немецкое командование было твердо уверено, что город и район захвачены и покорены Третьему рейху. Писал он Марте примерно следующее: «Моя милая, не знаю точно, сколько мы здесь еще пробудем, кажется, скоро у меня должен быть отпуск... Я поговорю с командиром и постараюсь приехать к тебе ненадолго. Но здесь скоро будет для нас опасно оставаться – русские негибаемы, отважны, они обязательно восстанут. Я чувствую всем своим существом – этот народ нельзя победить. Но я обязательно вернусь, я обещаю, береги себя!»

Смерть врагам!

Тем временем Юрке 4 июля 1942-го исполнилось три го-

да, и он стал довольно сообразительным и хитрым мальчишкой. И всякий раз, когда он крутился около стола, где обедали немцы, в надежде получить хоть кусочек чего-нибудь вкусненького, Йозеф негодовал, крича: «Только попробуй что-то стянуть, щенок!»! Ганс же был добрее – давал мальчику немного хлеба и каких-нибудь объедков из мясного и консервов. Но Юрка и не думал ничего воровать, он знал, что получит щедрую порцию пинков и кучу проклятий в свой адрес (которых он пока не понимал, но было все равно страшно). Вместо этого он поступал очень хитро: когда у его постояльцев в очередной раз собирались товарищи, садились за стол, начинали громко хохотать и ругаться самой нецензурной бранью, которая только есть в их языке, он все также крутился поблизости и внимательно слушал. В один из таких вечеров Юрка, наслушавшись вдоволь отборной немецкой ругани, вдруг осмелел, подошел близко к столу и отчетливо, стараясь не запнуться, выдал: «Donnerwetter!»⁶, «Schweine!»⁷ и еще изрядную порцию грязной немецкой брани, не понимая смысла этих слов, но при этом улыбаясь. Это делало его настолько комичным, что сидевшие за столом солдаты Вермахта не смогли сдержать эмоции: разразился громкий хохот, продолжавшийся минут пять. Затем, потешившись вдоволь, один из друзей Ганса и Йозефа, повер-

⁶ «Черт побери!» (нем.)

⁷ Свинья (нем.)

нувшись к мальчику, приказал: «Herankommst»!⁸ и махнул рукой в его сторону.

Юрка робко приблизился к сидевшей за столом компании, и не зря: в награду ему было выдано небольшое яблоко и кусочек твердой сухой халвы. Под одобрителное «Gut, Jurgen»!⁹ Юрка с жадностью стал грызть халву, а яблоко поспешно спрятал в карман поношенной старенькой курточки, чтобы потом было чем утолить голод. Потом еще немцы переговаривались между собой, со смехом глядя на Юрку, шустрого и хитрого мальчишку, который, бегая по хате, время от времени повторяя свое «Donnerwetter»!. Пацан быстро смекнул, хотя и был достаточно мал, что если он будет стараться, то у него будет шанс неплохо поесть (а есть ему очень хотелось). После Ганс научил его, помимо ругательств, еще и благодарить за угощения: «Danke»!¹⁰

Но было и то, что вызывало гораздо больший Юркин интерес, чем еда: он давно еще обратил внимание на настоящий боевой нож, которым Ганс часто нарезал хлеб у них за обедом. Длинное блестящее лезвие с рукоятью из двух шлифованных деревянных накладок, прикрепленных к хвостовику тремя заклепками, в которой помещались штопор и открывалка для жестянок, завораживали маленького мальчика. Юрка мечтал о такой «игрушке», оставленной на обе-

⁸ Подойди! (нем.)

⁹ Хорошо, Юрген! (нем.)

¹⁰ Спасибо (нем.).

денном столе без присмотра, часто рассматривая ее в отсутствие хозяина, но взять не решался. И вот в один из тех вечеров, когда Ганс обычно садился под тусклым светом керосинки писать свои письма, Юрка снова увидел тот нож на краю стола. Подошел поближе и слегка коснулся лезвия своей маленькой ручкой, чудом не порезавшись. Ганс оторвался от письма. Взглянув на Юрку исподлобья, он спросил по-своему:

– Нравится? Можешь взять, посмотри.

И протянул мальчику нож, держа рукоятку вперед. Юрка осторожно взял рукоятку, затем постучал ею по столешнице, видимо, пытаясь «достать» оттуда штопор. Ганс усмехнулся, взял нож обратно и показал, как открывать рукоятку. Юрка с нескрываемым интересом наблюдал все действия, а затем протянул ручонку, прося нож обратно. Ганс позволил мальчику повторить все те же действия, что недавно показал. Юрка охотно согласился, визжа от радости.

Немецкий боевой нож времен Второй Мировой. Изображение взято с сайта: <https://копанина.рф/>

А вот другой постоялец Йозеф пришел от всей этой сцены в ярость, они даже поссорились с Гансом по этому поводу.

– Ганс, я за всю свою жизнь не видал таких идиотов, как ты! Зачем позволяешь этому русскому оборванцу играть с оружием? Ты понимаешь, что на следующий день он прирежет нас с тобой, как скот?! О чем только думает твоя пустая голова! А вдруг он убежит к своим, к русским?

– Да это всего лишь маленький мальчик, Йозеф! Брось, что он может натворить? Он даже не знает своего родного языка, я об этом позаботился, – с усмешкой ответил его товарищ. И потом я хочу забрать его в Германию, ведь тут его ждет печальная судьба.

– Ты, вероятно, повредился рассудком. Что будешь с ним делать? На кой черт он тебе сдался? Я завтра же доложу командованию, чтобы тебя незамедлительно отправили в отпуск. Ты не в себе, раз несешь такую чушь!

– Что ты завелся, Йозеф? Это всего лишь мальчишка, беззащитный, безоружный, маленький... Ты такой черствый, бесчувственный и высокомерный, потому что никогда никого не любил!

Йозеф распалился еще больше.

– А ты у нас слишком сентиментальный! Прекрасно! Пре-

восходно! Раз это безоружный беззащитный мальчик, что ж, сделай доброе дело, дай ему в руки наши «маузеры»¹¹, заряди их и научи его стрелять! И тогда можешь спать спокойно, ведь больше уже не проснешься! Он пристрелит всех, каждого из наших, ведь они нас ненавидят. Скоро ты убедишься в этом! Это русский народ, его не сломить никак, ничем, им даже смерть не страшна. Пойми!

– Слышал бы тебя наш командир, Йозеф, тогда бы в отпуск отправился ты... в бессрочный! Иди-ка лучше спать, завтра нам предстоит очень сложная задача, а я допишу письмо Марте, уж не знаю теперь, как ей его отправить, дойдет ли...

Вскоре ссора стихла, и оба, пребывая в дурном расположении духа, все-таки ушли спать. Это была их последняя ночь, которую им довелось провести в маленьком старом домишке на окраине города.

Разгром вражеских войск под Сталинградом положил начало зимнему контрнаступлению Красной Армии, в ходе которого началось освобождение Курской области.

К утру 3 февраля 1943 года передовые соединения 60-й армии Воронежского фронта, завершив сосредоточение на восточном берегу реки Тим, перешли в наступление на Щигры.

¹¹ немецкая винтовка, использовавшаяся в вооружении армии Вермахта в годы Великой Отечественной войны.

Немецкое командование сосредоточило в Щиграх значительные силы мотопехоты и танков из состава 4-й немецкой танковой дивизии генерала Шнайдера. 3 февраля 1943 г. командующий 2-й немецкой армией генерал Зальмут подтвердил приказ, ранее отданный Шнайдеру: усилить левое крыло обороны города. Однако быстрое наступление советских войск спутало планы гитлеровцев. Стремясь избежать окружения, немецкие войска, бросая транспорт, вооружение, продовольствие и даже раненых, поспешно отходили в направлении Курска¹². Вместе с немцами убегали, спасаясь, мадьяры – жестокие и безжалостные убийцы, воевавшие на стороне Третьего рейха.

В тот день с самого раннего утра подразделение Йозефа и Ганса находилось вместе с еще десятком фашистских соединений в окрестном лесу, высматривая, нет ли атаки со стороны русских, так стремительно продвигавшихся в своем наступлении на город. За то время, которое они просидели в лесу, пытаясь укрыться от советских танкистов и пулеметчиков, открывших огонь по перепуганным немецким солдатам и транспорту, их отряд потерял троих бойцов. Тяжело раненые, не имея возможности быстро передвигаться вместе со всеми, они погибли. Тела забирать было некогда, поэтому своих убитых немцы оставили в спешке прямо на снегу.

Йозеф, вцепившись намертво в свой «маузер», с трудом

¹² С.А. Пожидаев: День освобождения Щигров (информация взята с сайта <https://multiurok.ru/blog/dien-osvobozhdeniia-shchighrov.html>)

мог шевелить пальцами – на морозе руки не слушались, да и все тело окоченело. Увидев издалека, как прямо на них надвигаются несколько красноармейских танков, он, истошно крича, звал остальных своих товарищей, чтобы поспешили укрыться в близлежащем овраге:

– Ганс! Сайберт! Мы в ловушке! Что будем делать? До оврага метров двести, давайте укроемся там, пока нас не заметили русские...

Товарищи Йозефа так же, как и он, не имели ни малейшего представления, что им делать дальше. Удастся ли незамеченными прорваться в укрытие, которое и назвать-то укрытием было нельзя? Это был овраг, засыпанный снегом, который хорошо просматривался авиацией. И танки также с дальних холмов могли, приблизившись, обнаружить любое передвижение.

Такое себе укрытие... А зимой, на белом снегу, заметно все. Фото автора.

Сайберт, еле передвигаясь, тяжело дыша, ответил:

– И сколько мы там продержимся, Йозеф? Мы же не будем там сидеть вечно, ожидая советских солдат, чтобы они подобрали нас и накормили? Да и до вечера не продержимся, воды у нас почти не осталось, и патроны на исходе! А если еще нарвемся на местных партизан, то нам точно несдобровать...

Йозеф повернул голову в сторону напарника, чтобы что-то ответить, но не успел сказать и слова, как вдруг издал резкий крик, и, дернувшись, упал лицом вниз. Подбежавшие к нему Ганс и Сайберт с ужасом смотрели на раненого това-

рища, но помочь ему ничем не могли. Белый снег же вокруг товарища стал багровым от крови. Пулеметная очередь пробила тело со спины навывлет: Йозеф лежал с широко открытыми глазами, полными ужаса, а его «маузер» валялся неподалеку. И вот малочисленный отряд убежавших немцев кинулся врассыпную. Ганс зарыдал от отчаяния и страха:

– Oh mein Gott, was ist aus dir geworden? mein Freund, Joseph!¹³

Подошедший на негнущихся ногах Сайберт безуспешно пытался успокоить товарища, беспрестанно озираясь по сторонам и глядя вверх, где уже кружили два советских бомбардировщика. Кое-как добравшись до небольшого оврага, Ганс и Сайберт старались лежать на снегу неподвижно, чтобы с высоты не было заметно движений. Промокшая одежда уже не давала тепла, а напротив, делала озноб еще сильнее. Тщетно пытаясь отогреть совсем уже онемевшие на морозе пальцы, в густых сумерках Ганс зажег несколько спичек, с трудом достав их из кармана бушлата. Голос его стал тихим, охрипшим:

– Сайберт, как ты думаешь, мы выберемся отсюда?

Сайберт, не поворачиваясь к товарищу, отвечал:

– Не знаю, если только ночью попытаться прорваться вон на том брошенном танке, – он махнул в сторону, где метрах в пятистах, над оврагом, стоял брошенный при отступлении «Тигр».

¹³ О Господи! Что с тобою стало, мой друг Йозеф! (нем.)

Ганс, получивший обморожение конечностей, еле двигаясь, произнес:

– Как мы доберемся до него? Я не могу идти и совсем скоро, наверное, не смогу дышать... Мы пришли на их землю, стремясь захватить, а уйти уже не сможем... Этот народ – непобедим! Могу я тебя попросить об очень важном деле для меня?

– Да, конечно.

Ганс бережно достал клочок сложенной вдвое бумаги с написанным на нем текстом. Это было письмо, которое он так и не успел отправить Марте.

– Передай, как только ты будешь в Германии, это письмо моей Марте. Она живет в Мюнхене, там есть ее адрес... Только обязательно, она очень ждет!

Еле слышно Сайберт ответил, что обязательно сделает все, что в его силах, но сейчас надо думать, как унести ноги, которые уже отказывались слушаться...

Вот уже совсем стемнело, и мороз к ночи только усилился. Ганс все так же оставался неподвижным, тело уже не чувствовало ни холода, ни боли. Жизнь стремительно угасала в нем, и он в бреду все твердил: «Auf Wiedersehen Jurgen... Auf Wiedersehen Martha...»¹⁴ Крепко сжимая в руках смятый клочок бумаги с недописанным письмом, сделал последний вдох и затих навсегда. Он уже не слышал, как Сайберт стал звать его, надеясь получить хоть какой-нибудь ответ.

¹⁴ Прощай, Юрген, прощай, Марта (нем.)

Но, не получив его, в отчаянии повторял: «Oh, nein, Hans, nein...nein!»¹⁵

Сайберту так и не удалось выполнить поручение Ганса – ночью он замерз насмерть в том же овраге, рядом со своим товарищем, который все продолжал сжимать в руках заветный обрывок бумаги. Это письмо, которое Марта из Мюнхена уже не получит никогда. Вместо него через месяц ей придет извещение о гибели младшего сержанта Вермахта Ганса Шнайдера.

Следующий день, 4 февраля 1943 года, стал важной датой для всех жителей Щигров и Щигровского района – город был освобожден 60-й армией Черняховского. Вышедшие в тот день на городскую площадь жители не забудут его никогда: город полностью очистили от захватчиков, которые 440 дней держали в страхе всех. Враги были изгнаны с Щигровской земли, наш народ выстоял, избавившись от фашистского гнета. Освобождение Щигров, а впоследствии, 8 февраля, и Курска, стали важными шагами на пути к победе. За этими двумя событиями в скором времени, 5 июля 1943 года, последует Курская битва, которая завершится 23 августа успехом нашей армии и станет переломной для СССР в ходе всей Великой Отечественной войны.

ГЛАВА 2. В ПРЕДДВЕРИИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ: ЭТОТ ДЕНЬ НАСТАЛ!

¹⁵ О нет, Ганс, нет, нет! (нем.)

Кто же я теперь?

После того, как Юркин дом навсегда покинули оккупанты, жизнь повернула в иное русло: он одновременно чувствовал свободу, как будто стало легче дышать, просыпаться по утрам, но к этому сладостному чувству примешивалось полное непонимание того, что же будет дальше. Как теперь его будут называть: Юрген или Юрка? Что он будет есть, ведь запасов провизии совсем не осталось после изгнания врага? Теперь можно и шалить, зная, что никто не даст подзатыльника за неправильно произнесенное слово. Но самого главного Юрка пока не осознал, как он будет общаться со сверстниками, с тетками, живущими по соседству, ведь его никто не понимал! Он в свои неполные четыре года совершенно не умел говорить по-русски, так как немцы полностью подчинили мальчика своей воле, желали даже увезти в Германию. Мать едва разбирала его лепет. Когда мальчик что-то просил, ему приходилось показывать знаками, что он хочет. Иногда даже плакал от отчаяния, что ему за «Donnerwetter!» никто не давал кусочек шоколада или хлеба. Теперь ему не было надобности крутиться около стола, словно цирковой собачонке, выпрашивая кусок пожирнее и повкуснее. Мать тяжело вздыхала, иногда начинала кричать на неповинного ни в чем Юрку:

– Да что же ты, басурман, бормочешь?! Куда я теперь тебя

выпущу, откуда ты не выучишь русского языка! Ох, горе-то какое!

Порой Ульяна жалела сына, начинала плакать, прижимая его к себе, а затем бессильно опускалась на подушку, в отчаянии сетуя на злую долю, выпавшую им и всему советскому народу:

– Вон что наделали, оккупанты проклятые! Ребенок теперь через вас страдает! Да чтоб вам пусто было, погибель пусть придет на вашу голову!

Но так как жизнь продолжалась, а Юрка уже подрастал, надо было все же учить его по-русски разговаривать. В гости приходили тетки Тоня и Нина, жившие неподалеку. Они тоже жалели бедного мальчика, который даже внешне походил на арийца да в придачу еще и бегло говорил на немецком не по своей, правда, воле. Потихоньку начали Юрку переучивать, по несколько простых самых слов за день. Но мать его никуда не выпускала дальше двора. Она боялась, что, не дай Господь, попадет на наших солдат, они и убьют по ошибке. Юрка ведь не очень отличался внешне от оккупантов, только недавно беспорядочными толпами бежавших из города под мощным обстрелом пулеметов и танков советских войск.

В тот самый заветный вечер 4 февраля, когда, наконец, силами нашей армии фашисты были разгромлены и вынуждены отступать, оставив Щигры и Щигровский район, Юрка вернулся с матерью от тетки Нины, у которой они гости-

ли. Взрослые постоянно говорили о снятии оккупации, радуясь освобождению от захватчиков. Войдя в дом, Юрка скинул свой старенький в заплатках тулупчик, валенки и шапку и сразу шмыгнул в кухню. Там царил настоящий разгром: вещи были разбросаны, на столе стояли открытые жестянки с недоеденными консервами, валялись обрывки папиросной бумаги, огрызок карандаша; на полу был разлит компот. Виновниками этого хаоса были немцы, которые в спешке побросали все свои припасы, одежду, некоторые личные вещи. Внес свою лепту во все это безобразие и Тишка, успевший залезть на стол и полакомиться рыбными консервами, попутно опрокинув кувшин с молоком, который звонко упал на пол и разлетелся вдребезги.

Вслед за Юркой вошла мать, которая тоже заметила беспорядок и запричитала, что ей предстоит долго убирать после этих «грязных свиней», которых она уже с месяц проклинала на чем свет стоит. Начав уборку, Ульяна сгребла со стола все объедки, тут же выбросила их в мусор. Ненависть к фашистам была сильнее голода. Не позволит русская женщина, чтобы она и ее сын ели то, что осталось от врагов. Но Тишка был смиренный, и ему пришлось по вкусу немецкая еда. Выбросила женщина также все вещи, которые забыли постояльцы: пару зимних перчаток, вещмешок, пояс, маленькие солдатские фляжки. В печь полетели обрывки папиросной бумаги, какие-то записки и черно-белая маленькая фотография светловолосой молодой девушки. Это была

Марта, которая недавно отправила свою фотографию Гансу.

Пока мать подметала полы в кухне, Юрка уже убежал в комнату, где Ганс с Йозефом когда-то по-хозяйски разместились, рассчитывая остаться здесь надолго. Кровати остались незаправленными, на полу валялась чья-то драная портянка и шинельная блестящая пуговица. И вдруг в изголовье кровати, на которой раньше спал Ганс, Юрка увидел что-то металлическое блестящее. Это был тот самый нож, который так приглянулся мальчику. И вот он, заветная мечта, лежит рядом, и самое главное – Юрка интуитивно понял, что теперь его можно взять себе, ведь хозяин больше за ним не вернется! Глаза мальчика округлились от счастья. Он решил, что спрячет от матери этот случайный «подарок» Ганса, положит его в укромное место под кроватью. А потом, когда ему позволят показываться на улицу, Юрка обязательно будет хвастать перед своими товарищами, что у него есть такой замечательный нож. Пускай лопнут от зависти! С этими мыслями Юрка сунул нож подальше под кровать и тут же улегся наверху, притворяясь спящим, но при этом рьяно охраняя свой трофей. А завтра утром проснется рано и обязательно испытает его в действии. Ведь нож так хорош! А вот матери он ни за что не собирался показывать свою находку.

Наутро мать встала раньше Юрки, натаскала воды для стирки: нужно было привести в порядок все вещи. Юрка крепко спал в той самой комнате, где раньше жили оккупанты, прямо в одежде, на той же кровати с выдавшим виды

грязным постельным бельем. Мать поспешила разбудить его, чтобы выкупать и дать чистую одежду. Ей не нравилось, что Юрка насквозь пропах запахами пороха и табака, это напомнило ей то ужасное время, когда здесь хозяйничали оккупанты. Мальчишка нехотя поднялся с кровати, все время озираясь вниз, на пол, думая в этот момент лишь о том, чтобы никто не обнаружил его сокровище и не забрал. Хорошо, что его взгляд не видела мать, а то сразу заподозрила бы неладное.

После купания, переодевшись в чистое, Юрка сгрыз корочку хлеба, заедая постными щами. Подкрепившись, он должен был сесть за книги, чтобы как можно скорее выучить родной язык. Мать, а иногда и тетки, часто бывавшие у них в доме, учили его русским словам по картинкам, объясняя их значение. Юрка был довольно способным, с каждым днем запоминал понемногу названия новых слов. Но память его по-прежнему хранила: «ja ja»¹⁶, «jawohl»¹⁷, «meine Mutter»¹⁸ и много других чужих слов. Так прошел почти год. Скоро мальчику предстояло пойти учиться в школу, а для этого надо было стать Юркой, обычным советским ребенком, который свободно говорит по-русски, которого не будут дразнить товарищи за его внешнее и речевое сходство с фрицами. Юрген должен был остаться в прошлом...

¹⁶ Да, да (нем)

¹⁷ Так точно (нем.)

¹⁸ Моя мама (нем.)

Этот день мы приближали, как могли!

Несмотря на то, что Курская область была освобождена от врага, война все еще свирепствовала в других уголках нашей необъятной советской страны. Тяжело приходилось жителям блокадного Ленинграда: в городе не осталось никакой еды, съедены были даже бродячие собаки и крысы. Большая часть населения умерла от голода. Под контролем фашистов оставались Прибалтика, Украина, Белоруссия. Только с началом нового 1944 года 27 января Ленинград был освобожден. Советской армии удалось снять блокаду – длившийся долгие 872 дня ад был прекращен. В честь этого события в городе дали салют.

Летом, с июня по август того же года, в ходе крупнейшей операции «Багратион» были освобождены Белоруссия и Литва, а в середине осени, 28 октября, – Украина. На территории бывшей советской республики кровопролитные бои длились 40 месяцев и унесли жизни более 3 миллионов советских жителей. Дело шло к победе, но нашим войскам еще рано было говорить об этом: предстоял тяжелейший труд. Приходилось проявлять стойкость, мужество и героизм, чтобы изгнать врага навсегда с советской земли.

В начале зимы, в декабре, мать Юрки ушла по делам, а сына оставила дома, позволив выйти во двор, поиграть недолго.

Но без происшествий в этот день не обошлось: мать стала свидетельницей, как в толпе обокрали какую-то женщину, которая истошным голосом звала милицию на помощь. А уже дома мать узнала, что Юрка умудрился потерять обе суконные рукавицы, которые лежали в кармане тулупчика. Пальчики его покраснели и замерзли, и женщине пришлось укутать маленькие ручонки сына муфтой, чтобы совсем не окоченел. Войдя в дом, она все время припоминала ему этот проступок, тяжело вздыхая и сердясь:

– Ох, и горе же мне с тобой, на ровном месте набедокурил!

Юрка протяжно, плаксиво завывал тоненьким голоском, повторяя:

– Мааааа, не бууууду больше, не бууууудуууу!

Но мать ему не верила, а потому не отходила от него теперь ни на шаг, все время старалась контролировать, где он находится. И это мальчику было не по душе. И сейчас она собрала его, чтобы навестить бабушку, жившую неподалеку на той же улице. Но Юрка был хмурый, идти никуда не хотел. Он думал только о том, когда они наконец-то уже придут домой, и он проверит нож, лежавший все там же, под кроватью.

Этот визит гостей стал для бабушки внезапным. Выйдя открывать калитку, она заметила Юрку, стоящего рядом с матерью, съёжившегося от холода. Мать тоже немного замерзла, так как старенькое пальтишко на ней было слишком тонким, не по сезону. Бабушка была родом из Чернигова, выйдя замуж, переехала в Щигры, и дальнейшая ее жизнь

проходила здесь. Она несказанно обрадовалась их визиту:

– Ой, голубчики мої ! Юрко, який ти красень, як ти уже виріс! ¹⁹ – Ходімо в будинок, за мною!²⁰

Юрка с матерью вошли вслед за бабушкой в невысокую приземистую хатку, оконца которой выходили на юг. В доме было все довольно скромно, но чисто: стол накрыт белой вышитой скатертью, в углах – иконы, даже сохранился старенький патефон. Бабуля усадила гостей в кухне за дубовый стол, а сама стала хлопотать – готовить разные кушанья. После обеда бабуля, как обычно, стала спрашивать уже сытого Юрку о житье-бытье: как его дела, как поживает, будто давно не видела:

– Скільки тобі рочків, голубчик?²¹

Юрка нахмурился, не понимая, что от него хотят. Мать ответила за него, что летом минуло пять.

– Мама, он по-нашему недавно только привык говорить еле-еле, а ты своєю мовою его спрашиваєш...²²

Бабуля тут же перешла на чисто русскую речь:

– Ульяна, доча, да скажи ты, что же с им приключилось, чего не говорит-то?

– Да оккупанты проклятые, ты же помнишь, как пришли к нам, сразу его по-своему научили... Потешались все над

¹⁹ Ой, голубчики мои! Юрка, какой ты красавец, как ты уже вырос! (укр.)

²⁰ Пойдемте в дом, за мной! (укр.)

²¹ Сколько тебе годков, голубчик? (укр.)

²² На своем языке (укр.)

ребенком, как он ихней матерной бранью крыл! Даже конфет давали в награду, так-то им весело было... Ух, чтоб эти фрицы провалились! А когда выбили их наши, то приходилось мне да Тоньке с Нинкой его переучивать говорить по-русски, как тяжело было!

Бабушка вдруг опустила голову и заплакала. Ульяна подошла к ней, крепко обняла и сказала, что они обязательно выстоят, что все наладится, стоит немножечко только потерпеть... И будет на их улице праздник, потому что непременно победят русские. Немного успокоившись, она подала на стол постные оладьи с вареньем, а так как время уже было позднее, Юрку нужно было уложить спать. Но у бабушки мальчишке что-то не сиделось спокойно, он все время вертелся, как шило. И тогда старушка посадила внука на колени и ласково проговорила:

– Юрко, внучок, зараз заспіваю Тобі одну пісеньку²³!

И тихонько запела:

Як мені не радіти, як мені не жити,
Жучка на личку хатку сторожить,
Павучок в куточку павутинку в'є...

Пока она пела, куплет за куплетом песенку, смысл которой заключался в том, чтобы радоваться тому, что у тебя есть, Юрка уже мирно дремал у нее на руках. Осторожно перенесли его на печку, убрали со стола да тоже ушли в комнату спать. В натопленной хате спалось хорошо, так что

²³ Сейчас спою тебе одну песенку (укр.)

проснулись все поздно. Скучно позавтракав, вышли прогуляться по городу, как раз базарный день был, воскресенье. Бабка достала из своих запасов полтора рубля и купила Юрке каких-то сахарных леденцов, которых он объелся, да так, что его замучила жажда. Понятно, что в разрушенном войной городе ни о каких изысках и развлечениях речь не шла. Все предстояло восстанавливать заново: школы, детские сады, клуб, жилые постройки. Люди жили очень бедно, как и везде, где свирепствовали фашисты. Они ели, что придется; вещи у многих были в заплатах, старые, многолетней давности. Но в народе уже росла и крепчала вера в светлое будущее, в победу над общемировым злом, вера в то, что победа за советскими людьми и она скоро будет.

Всем жителям предстояло пережить еще одну голодную суровую зиму, подготовиться к весне, а там уже пора подумать и о хозяйстве, чтобы была какая-нибудь еда. Ульяна тоже задумалась, что же делать дальше, ведь сын рос очень быстро, и через год-другой надо было определить его учиться в школу.

А тем временем уже давно наступил Новый 1945-й. Год, который навсегда запомнится в истории нашего Отечества, как принесший Великую Победу. В преддверии этого праздника советские войска продолжали вести уже не оборонительные, а наступательные действия: с 3 января по 25 апреля 1945 года потерпела поражение стратегическая группировка

немецко-фашистских войск в Восточной Пруссии и северной части Польши. С середины апреля и до самого 9 мая проходил штурм Берлина.

В один из апрельских, довольно уже теплых дней Юрка с матерью сидели у тетки Нины в доме, куда пришли бабушка и другая тетка Тоня с двумя дочками. Одна из девочек, Галя, была чуть постарше Юрки, а Валюша, наоборот, чуть поменьше. Сидя за столом, все о чем-то оживленно беседовали, дети бегали по комнатам, играли в прятки. И тут в дверь постучали. Хозяйка Нина пошла открывать. На пороге стояла почтальонка, которая, поздоровавшись, уточнила:

– Нина Николаевна здесь живет?

– Да, это я, – ответила Нина.

– Держите, это Вам, – сказала почтальонка и ушла, протянув пожелтевший смятый конверт Нине.

Когда хозяйка зашла в дом, сестры встали и сразу обступили ее со всех сторон, нетерпеливо спрашивая:

– Нин, чего там, а? Показывай давай!

Нина открыла конверт, прочла первые строки письма и побледнела. Руки ее затряслись, голос задрожал. Ульяна с Тоней дочитали послание до конца и заголосили – это была трагичная весть с фронта о гибели их сестры под Берлином. Совсем юная, девушка сгорела в танке уже на подступах к немецкой столице. Она так и не узнает, что наши победили в этой ужасной войне, и что на Красной площади в Москве был парад. А пока что горе подкосило всех ее родных. При-

бежавшие на крик дети стояли и молча хлопали глазами, ничего не понимая, а муж Антонины, Никодим, который недавно вернулся с фронта, поседел и осунулся еще больше.

На семейном совете было принято решение о переезде: в Сныткино остались жить только Нина, еще одна из сестер – Люба, а также их мать. А Ульяна с Юркой, Антонина с мужем и двумя девочками теперь жили все вместе на улице Пролетарской, в Старом городе, у Валюшиной и Галиной бабушки, Марии. Забрали с собой также и кота Тишку, который стал старым, неповоротливым и ленивым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.